

Расслоение советской деревни¹

I. 0 методах изучения

Социальная структура советской деревни и те динамические процессы, какие в ней происходят за последние годы, представляют для нас интерес первостепенной важности. Но, к сожалению, несмотря на многочисленные попытки изучения этой структуры, мы еще очень недалеко ушли в указанной области. У нас не хватает для этого не только достаточно надежных статистических материалов, но и твердо установленных научных методов и приемов.

У нас пользуется широким правом гражданства расчленение деревни на бедняцкие, середняцкие и кулацкие социальные группы. Но кого и по каким объективным признакам следует относить к той или иной из этих групп, никем не установлено. Классовый подход требует от нас группировки по признаку эксплуатации. К беднякам следовало бы относить все эксплуатируемые группы деревни, к кулакам — эксплуатирующие, к середнякам — промежуточные, не эксплуатирующие и не эксплуатируемые. Теоретически это, казалось бы, очень четкий и ясный критерий. Но практически указать точные границы между разными слоями деревни по признаку эксплуатации чрезвычайно трудно.

Прежде всего, можно было бы использовать для такого разграничения формальный признак найма или отпуска рабочей силы. Но, во-первых, срочный наем рабочей силы в нашей деревне распространен очень слабо, а поденный далеко не всегда может служить надежным признаком эксплуататорского хозяйства. А затем не следует забывать, что найм найму рознь. В деревне у нас до сих пор очень мирно уживаются рядом с элементами нового коллективистического хозяйства и старые элементы капитализма и даже пережитки еще более архаических докапиталистических укладов. Наряду с капиталистическим наймом ради эксплуатации вы встретите здесь и чисто потребительский наем батрака какой-нибудь бобылкой или солдатской женой в таких хозяйствах, которые отнюдь не производят каких-либо товарных излишков на широкий

¹ Настоящий очерк представляет собою извлечение из коллективного сборника „Сельское хозяйство СССР в 1926/27 г. по данным налоговых сводок“, который в настоящее время находится в печати в изд. НКФ.

рынок. Кроме того, как это указывал еще В. И. Ленин, необходимо строго различать и такие диаметрально противоположные виды найма, как „наем батрака или поденщика и наем соседа хозяина, который должен своим инвентарем обработать землю нанимателя“.¹ В первом случае эксплуатируется наемник, а во втором, по общему правилу, совсем наоборот, — сам наниматель. Наконец, не мало затруднений представляют для исследователя и те весьма многочисленные крестьянские дворы, которые в разные сезоны, а то и одновременно и отпускают и нанимают рабочую силу. Куда их отнести — к эксплуататорам или эксплуатируемым?

На ряду с формальным признаком найма для изучения социального расслоения деревни может служить и материальный признак — обеспеченность средствами производства, т. е. землей, скотом, инвентарем и т. д. Недостаток этих средств для полного использования наличной в хозяйстве рабочей силы является необходимой предпосылкой для возникновения тех или иных форм зависимости этого хозяйства от других хозяйств; избыток их, наоборот, является первой предпосылкой для предпринимательства и эксплуатации чужого труда. Отсюда, именно, берут свое основание многочисленные попытки исследователей использовать для изучения социальной структуры деревни имеющиеся у нас группировки крестьянских хозяйств по посеву, рабочему скоту и тому подобным натуральным признакам. Но и эти попытки, к сожалению, нельзя признать сколько-нибудь удовлетворительными.

Основное достоинство группировок по натуральным признакам заключается в их элементарности и доступности. Статистически это наиболее простая и дешевая операция. Но не всегда наиболее дешевая операция может быть признана и наиболее эффективной. В самом деле, какие у нас имеются пути, чтобы перейти, скажем, хотя бы от посевных группировок к социальным. На первый взгляд представляется совершенно бесспорным, что с возрастанием посева на двор возрастает и его хозяйственная мощность. Однако, на деле даже это представляется очень спорным. Большой посев при отсутствии рабочего скота и инвентаря иной раз дает гораздо меньше, чем меньший посев при наличии собственного скота и инвентаря. Кроме того, гектор посева льна или хлопка совсем не равен гектору ржи или овса. Точно также гектор посева на Кубани далеко не эквивалентен такому же гектору в Псковской или Костромской губернии.

В 1925 году ЦСУ произвело опыт социального расчленения деревни по посевным группам в своем хлебофуражном балансе, и этот опыт оказался столь неудачным, что теперь едва ли кто захочет его повторить в ближайшем будущем. Но группировка по скоту и сейчас находит еще весьма авторитетных защитников. Ее и сейчас

¹ В. И. Ленин. Собр. соч., т. III, М. 1923 г., стр. 118.

многие находят вполне пригодным методом для изучения социальной структуры деревни. И действительно, она имеет целый ряд преимуществ по сравнению с посевными группировками. В особенности, если ее усложнить рядом других признаков. Но даже в весьма усложненном виде, т.-е. в комбинации с другими натуральными признаками, группировка по скоту может стать лишь суррогатом социальной группировки.

Натуральные признаки хозяйственной мощи двора в условиях товарного хозяйства вообще приходится рассматривать в нашей статистике как атавистический пережиток какого-то другого более примитивного уклада. Во времена крепостного права и соответствующего ему патриархального быта пользование ими, конечно, было бы более уместным. Но теперь, благодаря рынку, мы прекрасно знаем, что, скажем, рабочая лошадь в кулацком и бедняцком хозяйстве и по своей силе и по хозяйственному использованию и по рыночной цене, отражающей в себе все другие качества, совсем не одно и то же. При этих условиях уже простой учет скота числом голов является довольно скверным суррогатом ценностного учета. А социальная группировка хозяйств по числу голов скота, где эта единица измерения для каждой группы заведомо имеет разное значение, и вовсе мало пригодна.

Конечно, средства производства могут быть даны и в ценностном выражении для группировки хозяйств по обеспеченности скотом, инвентарем, хозяйственными строениями, семенами и т. п. производственными ценностями.¹ Но все же достигнуть расчленения деревни на классовые группы этим приемом чрезвычайно трудно. И прежде всего потому, что недостаток или избыток средств производства является только необходимым условием возможности эксплуатации, но далеко еще не достаточным для констатации ее наличия. Избыток средств производства отнюдь еще не превращает их автоматически в капитал, т.-е. орудие эксплуатации чужого труда. В полунатуральном хозяйстве крестьян каких-нибудь сибирских окраин такой избыток средств производства и теперь нередко может быть назван, говоря языком Глеба Успенского, скорее „пропиталом“, чем капиталом. Он лежит у него в виде многолетнего запаса хлеба или ходит на ногах в виде лишней лошади и коровы, выполняя роль известного производственно-потребительского резерва, но отнюдь не превращаясь в активное средство извлечения прибавочной ценности. Хозяйства с такими резервами „пропитала“ отнюдь не следовало бы еще зачислять в категорию кулацких.

К тому же, если бы мы решились даже вовсе не считаться с такими моментами, то откуда взять численную меру для опреде-

¹ См. очень интересный в этом отношении опыт А. Гайстера, „Расслоение советской деревни“, М. 1928 г.

ления наличия „избытков“ или „недостатков“ средств производства в том или ином хозяйстве. Мы можем легко разделить деревню на группы со средствами производства до 200 руб. на двор, от 200 до 500, от 500 до 800, от 800 до 1.400 и от 1.400 руб. и выше, как это сделал тов. Гайстер, или как-нибудь иначе, но сказать, где в этих группировках кончается „бедняк“ и начинается „средняк“ или „кулак“ гораздо труднее. Во всяком случае, если разуместь под этими понятиями классовые группировки, то установить конкретные цифровые грани между ними по размеру средств производства едва ли возможно без крайнего произвола.

Мне кажется, однако, что возможен еще один прием классового расчленения деревни, гораздо более свободный от условностей и произвола. В условиях крестьянского хозяйства, конечно, не следует ожидать слишком четкого разделения на классы. Мы присутствуем здесь лишь при самых начальных процессах образования классов. Формы классовой эксплуатации, какие здесь можно наблюдать, довольно сложны и многообразны. Вы здесь встретите и наем, и арендные отношения, и неэквивалентный обмен, и прямое ростовщичество в таких запутанных комбинациях, что не всегда даже возможно установить, кто именно из контрагентов, в конечном счете, явится эксплуататором и кто эксплуатируемым. Но если исходить из принципа, что судить надо по результатам хозяйственного процесса, т.-е. по величине общего дохода от всех операций данного хозяйства, то отнести его к той или иной социальной группе будет гораздо легче. Если данное хозяйство чаще выступало в роли эксплуататора, чем эксплуатируемого, то в его доходе должно заключаться сверх необходимого продукта еще известное количество продукта прибавочного, а стало быть и прибавочной ценности. Если же, наоборот, мы имеем дело с эксплуатируемым хозяйством, то никакой прибавочной ценности в его доходе не обнаружится.

Говоря иначе, мы выдвигаем на обсуждение в качестве метода изучения социальной структуры деревни идею подходящей группировки хозяйств.

Еще В. И. Ленин при изучении разложения дореволюционной русской деревни весьма решительно отвергал ничего не дающую в этом отношении группировку по наделу и высказывался за пользование „исключительно группировкой по хозяйственной состоятельности“.¹ Правда, по состоянию нашей тогдашней земской статистики ему приходилось пользоваться в качестве мерил „состоятельности“ крестьянства все теми же натуральными признаками наличия скота и посева. Но там, где ему представлялся выбор, как, например, при изучении американского фермерства, В. И. Ленин отдавал явное предпочтение группировке по суммарной продукции хозяйств в ценностном

¹ Собр. соч., т. III. М. 1923 г. стр. 69.

ее выражении.¹ Кстати отметим, что в указанном случае речь шла не о валовой, а о более или менее очищенной продукции этих хозяйств (за вычетом кормов), что весьма приближает данную группировку к подоходной.

Предлагая подоходную группировку для изучения классового расслоения деревни, мы, конечно, прежде всего должны указать какими методами мы сможем расчленить доход на необходимый и прибавочный продукт, ибо без этого у нас не будет критерия для отделения эксплуататорских групп от эксплуатируемых.

Правомерно ли, однако, такое расчленение дохода крестьянина на необходимый и прибавочный продукт или, говоря иначе, на заработную плату, с одной стороны, и ренту и прибыль — с другой, имея в виду всю массу крестьянства как такового? Ведь в своей основной массе — это самостоятельные производители, не применяющие наемного труда.

На первый взгляд это представляется весьма дискуссионным. Тем не менее, абстрактный анализ экономики любого общества в эпоху господства отношений найма не может сложить своего оружия и отступить перед самостоятельным производителем, исключая его вовсе из своей теоретической схемы. С точки зрения этой схемы, говоря словами К. Маркса, „в капиталистическом способе производства независимый крестьянин или ремесленник распадается на два лица. Как владелец средств производства, он — капиталист, как рабочий, он — свой собственный наемный рабочий. Он платит себе, следовательно, свою заработную плату как капиталист и извлекает свою прибыль из своего капитала, т.-е. он эксплуатирует себя сам как наемного рабочего и платит себе в виде прибавочной ценности подать, которую труд должен платить капиталу. Быть может, он платит себе также и третью часть, как землевладельцу (ренту), совершенно так же, как промышленный капиталист, если работает с собственным капиталом, платит самому себе процент и рассматривает его как нечто, что он платит себе не как промышленному капиталисту, а просто как капиталисту“. И дальше К. Маркс добавляет: „В действительности этот способ представления, как он ни кажется иррациональным на первый взгляд, правилен, однако, в следующем отношении: производитель, правда, создает в вышеуказанном случае свою собственную прибавочную ценность (предполагая, что он продает свой товар по его ценности), т.-е. весь продукт овеществляет только его собственный труд. Но тем, что он может присвоить себе весь продукт своего собственного труда и что излишек ценности его продукта над средней ценой его дневного труда не присваивается третьим лицом, он обязан не своему труду, — который не отличает его от других рабочих, — но владению средствами производства. Следовательно, только благодаря собственности на

¹ Там же, т. IX. М. 1923 г., стр. 239 и след.

последние он овладевает своим собственным прибавочным трудом и, таким образом, относится как свой собственный капиталист к самому себе, как к наемному рабочему. Такое разделение является нормальным отношением в этом обществе. Таким образом, где оно фактически не происходит, там оно предполагается и, как выше было показано, предполагается по праву.“¹

Теория уполномочивает нас, стало быть, разлагать на зарплату и прибавочную ценность доход даже такого самостоятельного производителя-крестьянина, весь продукт которого овеществляет только его собственный труд. Тем более это законно в отношении тех верхушек крестьянства, где мы по праву можем предполагать в суммарном его доходе и элементы присвоенного чужого труда. К. Маркс указывает нам и вполне пригодный метод для такого разложения. К прибавочной ценности мы должны относить весь излишек к продукта и соответствующего ему дохода крестьянского хозяйства сверх средней нормы оплаты труда, необходимого для производства этого продукта.

Нормы оплаты батрацкого труда в деревне нам в достаточной степени известны. Батрацкий труд заведомо эксплуатируется. Нормальный доход батрацкой семьи определяется, согласно теории, минимумом средств существования, необходимых при данных общественно-бытовых условиях. Этот прожиточный стандарт включает в себе только „необходимый продукт“. Стало быть, все крестьянские хозяйства, с доходом не выше этой нормы, мы смело можем отнести в группу бедняцких, т.-е. в группу пролетарского типа.

В следующую, середняцкую, группу следовало бы отнести те хозяйства, которые, кроме батрацкой нормы дохода, т.-е. зарплаты, располагают в своем доходе и прибавочной ценностью, однако, при условии, что этот доход в целом не превышает ценности полного продукта труда данной семьи. Как некий двуликий Янус, эта промежуточная социальная группа совмещает в себе черты и рабочего и хозяина, но ее все же нельзя отнести к паразитически-эксплуататорским слоям крестьянской буржуазии, ибо она „эксплуатирует“ только свой труд.

Тогда в такую паразитически-эксплуататорскую кулацкую группу попали бы только те хозяйства, которые в своем доходе получают не только полную оплату и необходимого и прибавочного труда своей семьи, но и некий излишек сверх этой нормы за счет присвоения результатов чужого труда. Если известны нормы оплаты батрацкого труда соответствующей квалификации и средняя норма эксплуатации в стране, то нетрудно определить и ту полную норму трудового дохода для крестьянского хозяйства, сверх кото-

¹ К. Маркс, „Теория прибавочной ценности“, Киев. Изд. Горской, стр. 276—277, курсив наш.

рой мы будем иметь дело уже с капиталистическими доходами и стало быть, с капиталистическими верхушками деревни.

Чтобы судить о масштабах предельных доходов „бедняка“ и „средняка“ в условиях русской деревни, приведем следующую справку. В довоенное время средний годовой заработок батрака-мужчины на своих харчах достигал по Европейской России в 1910 г., примерно, 140 руб., батрачки — 86 руб. золотом, в среднем — около 113 руб. Таких зарабатывающих батраков на среднюю батрацкую семью в 4,3 души приходится 1,62 человек. Годовая зарплата их, стало быть, составит около 183 руб. золотом. К этой сумме можно еще прикинуть на натуральные приработки батрацкой семьи (от собственного производства, от самозаготовок топлива и т. п.) около 20%, т. е. 36 р. 60 к. Весь годовой доход батрацкой семьи, стало быть, не превышал 220 руб. золотом. Норма эксплуатации наемного труда в довоенной России, по имеющимся данным, была не ниже 100—150%.¹ Говоря иначе, полный доход батрацкой семьи при отсутствии эксплуатации составил бы до 550 руб. в год. И, стало быть, применяя эти нормы для подоходной группировки крестьянских хозяйств нашей довоенной деревни, мы могли бы, говоря грубо, к бедняцким хозяйствам отнести все хозяйства с доходом до 220 руб. в год, к середняцким — с доходом от 220 руб. до 550 руб. и к кулацким — с доходом свыше 550 руб.²

Конечно, эти нормы можно было бы уточнить и в соответствии с разным составом семьи в каждой группе, и с различиями в квалификации и оплате труда разных групп, и с разницей в индексах дороговизны жизни по различным районам. В частности, можно было бы учесть, что квалификация труда в высшей по зажиточности крестьянской группе несколько выше квалификации рядовых батраков, среди которых много молодежи и подростков. Но все эти уточнения не меняют общего подхода к разрешению указанной задачи.

Переходя к условиям советского сельского быта, можно отметить, что оплата батрацкого труда в деревне при поденном найме достигала в 1926 г. по номиналу 187% от норм 1910 г.³ О годовом найме батраков в современной деревне у нас еще нет надежных данных. Но можно допустить, что они изменяются в том же соотношении, что и поденные нормы оплаты батрацкого труда. В какой мере изменились нормы эксплуатации батрацкого труда, ска-

¹ В промышленности эта норма достигала в 1913 г., примерно, 100%, на транспорте — 120%, а в сельском хозяйстве — даже 163%. С. Струмилин, „Очерки советской экономики“. ГИЗ, 1928 г., стр. 95, 201, и его же „Условия производства хлебов в СССР“, „План. Хоз.“, 1926 г., № 2, стр. 353.

² Для перевода на современную червонную валюту эти лимиты пришлось бы повысить, примерно, в 1,8 раза (по крестьянскому индексу дороговизны жизни).

³ Ср. А. Кизяев, „Поденные цены на рабочие руки в сельском хозяйстве“. „Стат. Обзор“, май 1927 г., стр. 47, и С. Струмилин, „Оплата и производительность труда в сельском хозяйстве“. „На аграрном фронте“, 1926 г., № 1, стр. 47.

зать труднее. Но если исключить совхозы, где наемный труд оплачивается значительно выше приведенных норм, и иметь в виду только крестьянские хозяйства, то для них едва ли пришлось бы вносить существенные поправки и в довоенные нормы эксплуатации.

Таким образом, установить конкретные лимиты для подоходной группировки хозяйств в целях изучения социальной структуры советской деревни было бы вполне возможно.

Можно было бы использовать условно в качестве одного из лимитов, отграничивающих середняка от кулака, и прожиточный стандарт индустриального рабочего. Индустриальный рабочий вследствие своей более высокой, по сравнению с батраком, квалификации оплачивается у нас ныне раза в 2,5 выше батрака. Стало быть, если доход крестьянина выше этой нормы, несмотря на гораздо более низкую его квалификацию, то в этом доходе имеются все основания усматривать элементы прибавочной ценности за счет чужого труда. С другой стороны, тех крестьян, доход которых ниже средней зарплаты индустриального пролетариата, едва ли было бы правильно и целесообразно зачислять оптом в категорию его классовых врагов — эксплуататоров этого пролетариата.

Удобство этого лимита по сравнению с другими заключается в его конкретной осязательности. Каждый крестьянин весьма охотно и, я бы сказал, очень ревниво сопоставляет свой уровень жизни с уровнем жизни рабочего. Этот аршин и общедоступен и всем понятен. Тогда как, скажем, исчисления средней нормы эксплуатации в стране, даже в капиталистических условиях хозяйства, весьма трудны и мало убедительны. А в советских условиях само понятие „нормы эксплуатации“ теряет свой смысл в отношении всего общественно-сектора хозяйства. Поэтому установить четкую грань между середняком и кулаком, пользуясь столь условными нормами и неустойчивыми в условиях момента понятиями, было бы гораздо труднее.

Кроме того, расчленение крестьянства на социальные группы меркою батрацкого и рабочего уровней жизни имеет для нас огромный интерес и с точки зрения изучения аграрного перенаселения деревни и городской безработицы.

Крестьянские хозяйства, которым земля не обеспечивает даже батрацкого прожиточного минимума, не могут длительно существовать в качестве таковых. Эта группа, как уже вполне созревший плод аграрного перенаселения, готова каждую минуту навсегда оторваться от своего корня и пополнить собою ряды батрацкого или индустриального пролетариата. Совсем иначе обстоит дело с той группой крестьянских хозяйств, уровень жизни которых выше, чем у городских рабочих. По общему правилу эти группы вовсе не испытывают на себе мощной экономической тяги города. Неземледельческие промысла, правда, и для них очень часто служат весьма существенным подспорьем в хозяйстве. Но пополнять собою на-

долго ряды батрацкого или городского пролетариата они отнюдь не склонны. Эти группы крепче всего привязаны к земле. Промежуточное положение занимает середняцкая группа крестьянства. Она достаточно привязана к земле, чтобы не питать собою кадры батрацкого пролетариата, но городской рабочий быт представляется для нее уже гораздо более заманчивым. В порядке сезонного отхода она регулярно посылает избыточные кадры своей рабочей силы „промышлять“ в городах. И те элементы из этих кадров, которым там удастся приобрести необходимую квалификацию, оседают в городах не только на время, но и навсегда.

2. Налоговые данные

Применимость того или иного метода лучше всего испытывается на конкретном материале. К сожалению, мы не располагаем в настоящий момент вполне пригодным для этого материалом. Тем не менее, и тот материал, которым мы располагаем, представляет собою громадный интерес для изучения социальной структуры деревни. Мы имеем здесь в виду оперативные данные Наркомфина по обложению деревни сельхозналогом.

Несомненно, эти данные в некоторых отношениях дефектны, как все данные, собираемые в фискальных целях. Крестьянство отнюдь не всегда спешит с полной откровенностью в своих показаниях навстречу интересам органов фиска. Но, вместе с тем, эти данные обладают и многими достоинствами. И прежде всего здесь следует указать на почти исчерпывающий по своей полноте охват материала. Ежегодно Наркомфин в порядке обложения производит сплошную перепись всего сельскохозяйственного населения страны с подробнейшим учетом всех объектов обложения.

Это обстоятельство было бы особенно ценно с точки зрения динамических сопоставлений. Но, к сожалению, в связи с постоянными новеллами в системе обложения и ежегодными изменениями в программе разработки налоговых данных мы лишены возможности каких-либо динамических сопоставлений о социальной структуре деревни. Мало того, программа разработки налоговых данных до сих пор не была унифицирована даже в пределах одного года для разных республик и районов нашего Союза. Так, например, за 1926/27 г. мы имеем для РСФСР группировку по посеву на едока, для Туркменистана и Узбекистана тоже по посеву, но на хозяйство, а не на едока, а для УССР не по посеву, а по площади всей пашни и сенокоса на едока. Кроме того, в одних республиках мы находим 10 посевных групп, а в других 12 или 13. Возможность общей сводки такого материала для обозрения по всему Союзу, конечно, чрезвычайно затрудняется.

Более сводимой является группировка по количеству голов крупного скота на хозяйство. Общие итоги этой сводки по всему Союзу представляют следующую картину (см. табл. 1).

Общие итоги группировки по скоту по СССР (без Якутской АССР) за 1926/27 г.

Таблица 1

А. Абсолютные данные

Группы по числу голов крупного скота на двор	Число хозяйств (в тысячах)		Население (в млн. душ)	Посевная площадь (в тыс. гектаров)	Крупный скот (в тыс. голов)		Облагаемый доход (в млн. черв. руб.)		Исчисленный налог (в тыс. черв. рублей)
	Всего	С неземледельч. заработк.			Рогатый ¹	Рабочий	Всего	От неземледельч. заработков	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Земледельческие районы									
1. Без скота	4.169	390	14,37	7.814	—	50	451,2	20,14	18.343
2. С 1 гол. скота	5.118	855	22,03	13.429	3.760	1.430	854,3	42,59	41.889
3. " 2 " "	6.660	1.398	34,51	24.203	6.795	6.588	1.599,1	68,02	94.569
4. " 3 " "	3.637	884	20,99	15.988	5.685	5.269	1.078,8	45,97	76.326
5. " 4 " "	1.689	383	10,70	9.297	3.540	3.242	591,1	21,59	47.022
6. " 5 " " и более	1.843	348	12,92	15.232	6.625	6.149	875,2	23,85	89.724
Итого	23.116	4.258	115,52	85.963	26.405	22.728	5.449,7	222,16	367.873
Б. Скотоводческие районы	636	33	2,95	338	1.506	1.746	83,8	1,88	5.239
В. Прочие нераспределенные²	448	45	2,35	469	366	372	38,9	3,37	—
Итого по частному сектору:									
РСФСР	16.573	3.475	84,23	62.078	21.377	17.648	3.814,9	182,82	250.628
УССР	5.014	557	24,06	19.614	3.773	3.953	1.281,6	28,88	95.186
ЗСФСР	899	78	4,50	1.214	1.237	1.124	140,0	5,69	6.477
БССР	788	197	4,23	2.317	1.408	855	178,0	7,32	9.538
УзбССР	769	26	3,10	1.309	364	967	126,4	2,34	9.066
ТуркССР.	156	3	0,70	238	128	297	31,2	0,36	2.227
СССР	24.200	4.336	120,82	86.770	28.277	24.846	5.572,4	227,41	373.122
Коллектив. хозяйства по СССР	14	—	0,7	808	96	91	42,0	—	3.575
Совхозы	9	—	—	1.130	49	139	69,0	—	4.863
Всего	24.223	4.336	121,52	88.708	28.422	25.076	5.683,4	227,40	381.560

¹ Без волов.

² Нераспределенной по скоту оказалась вся группа хозяйств с доходом ниже облагаемого минимума по ЗСФСР.

Приведенные итоги охватывают не сельское, а сельскохозяйственное население страны, независимо от места его жительства, так как сельхозналогом облагаются и жители поселений городского типа, занятые земледелием, но зато им вовсе не облагается фабрично-заводский персонал, железнодорожники и тому подобные группы сельского населения, поскольку они не занимаются сельским хозяйством. В силу этого итоги нашей сводки не вполне сопоставимы с данными ЦСУ о сельском населении Союза. Тем не менее, напомним, что все сельское население страны, учтенное ЦСУ по переписи на 17/XII 1926 г., достигало 120,7 млн. душ, посевная площадь 1926 г. в крестьянских хозяйствах исчислялась в 109 млн. гектаров, рабочий скот — в 27,3 млн. голов, коров — 29,2 млн. штук.¹ Исчисления ЦСУ в отношении скота и посевов едва ли особенно точны, но все же они указывают на определенный недоучет в налоговых данных скота и в особенности посевов. Но особенно преуменьшенной в учете налоговых органов является цифра облагаемого дохода. По исчислениям Госплана СССР сумма доходов земледельческого населения СССР за 1926/27 г. должна составлять не менее 12.250 млн. черв. рублей, т.-е. примерно в 2,2 раза больше суммы, облагаемой по сельхозналогу.²

Переходя от абсолютных цифр к относительным, мы получаем следующую картину (см. табл. 2, стр. 45).

На долю двух средних групп по обеспечению скотом из шести падает 48,3% населения, 49% дохода и 46,5% налога. На две низших группы при 31,4% населения падает только 24% дохода и 16,3% налога, на две верхних при 20,3% населения приходится 27% дохода и 37,2% налога. Названные показатели, несомненно, в достаточной степени отражают собою факт известного, правда, весьма умеренного расслоения деревни. Правильно возрастающий процент изъятия налога тоже весьма показателен для нашей классовой политики в деревне. Но мы уже указывали, что группировка по скоту может рассматриваться лишь как известный суррогат классовой группировки. Она не дает возможности вполне четкого расчленения крестьянства на классы по признаку эксплуатации.

С другой стороны, не мало сомнений вызывает и выявленная в таблице прогрессия обложения. В какой мере она соответствует действительности? Ведь облагаемый доход, исчисляемый налоговыми органами нормативным методом по числу гекторов посева, голов скота и т. д., едва ли учитывается с одинаковой точностью для разных социальных групп. Поскольку и доходность скота и урожайность посевов в высших по размеру хозяйствах, несомненно, всегда в среднем выше, чем в низших, расценка их по одним и тем же нормам должна привести к максимальному недоучету доходности именно

¹ „Итоги десятилетия советской власти в цифрах“. Изд. ЦСУ. М., 1927 г., стр. 35, 171, 189.

² „Контр. цифры нар. хоз. СССР на 1927/28 г.“, М. 1928 г., стр. 495.

Общие итоги группировки по скоту по СССР (без Якутской АССР) за 1926/27 г.
 Б. Относительные данные

Группы по числу голов крупного скота на двор	Хозяйств.		Население		Посевная пло- щадь в гекта- рах на 1 хоз.	Крупный скот на 1 хоз. (голов)		Облагаемый доход в черв. руб.		% облаг. дохо- да от неземлед. заработков	Исчислен- ный налог в черв. руб.		% изъятия дохода		
	В 0/0 к итогу	% хоз. с неземлед. заработком	В 0/0 к итогу	Душ на 1 двор		Рого- тый ¹	Рабо- чий	На 1 хоз.	На 1 душу		На 1 хоз.	На 1 душу		На 1 хоз.	На 1 душу
А. Земледельческие районы															
1. Без скота	18,1	9,3	12,4	3,45	1,88	—	0,01	108	31,35	4,46	4,39	1,27	4,07		
2. С 1 гол. скота.	22,2	16,7	19,0	4,31	2,63	0,73	0,26	167	38,78	4,98	8,19	1,90	4,92		
3. С 2 " "	28,8	21,1	29,9	5,20	3,64	1,02	0,98	240	46,19	3,88	14,21	2,73	5,91		
4. С 3 " "	15,7	24,3	18,4	5,78	4,41	1,56	1,44	297	51,40	4,26	21,00	3,64	7,08		
5. С 4 " "	7,3	22,8	9,2	6,33	5,53	2,09	1,89	350	55,26	3,65	27,84	4,39	7,95		
6. С 5 " " и более	7,9	19,0	11,1	7,02	8,29	3,60	3,33	476	67,73	2,72	48,63	6,94	10,25		
Итого	100	18,8	100	5,01	3,73	1,14	0,98	236	47,18	4,07	15,93	3,19	6,75		
Б. Скотоводческие районы															
Итого	2,7	5,2	2,5	4,67	0,53	2,37	2,75	132	28,30	2,24	8,23	1,76	6,24		
В. Прочие нераспределенные²															
Итого по РСФСР	68,5	21,0	69,7	5,08	3,87	1,87	1,06	230	45,25	4,80	15,10	2,97	6,56		
" " УССР	20,7	11,2	19,9	4,80	3,91	0,91	0,79	256	53,27	2,25	18,98	3,96	7,42		
" " ЗСФСР	3,7	8,7	3,7	5,01	1,24	1,24	1,25	156	31,11	4,06	7,20	1,44	4,63		
" " БССР	3,3	25,0	3,5	5,37	2,94	1,94	1,09	226	42,03	4,12	12,10	2,25	5,35		
" " УзбССР	3,2	3,4	2,6	4,03	1,71	0,71	1,26	164	40,70	1,86	11,80	2,93	7,18		
" " ТуркССР	0,6	1,9	0,6	4,49	1,69	0,69	1,90	190	42,30	1,15	14,26	3,18	7,50		
Всего	100,0	17,9	100,0	5,00	3,59	1,17	1,03	230	46,07	4,08	15,42	3,08	6,70		

¹ Без волов.

² Нераспределенной по скоту оказалась вся группа хозяйств с доходом ниже облагаемого минимума по ЗСФСР.

высших групп. Но, с другой стороны, достаточно взглянуть на средние цифры дохода на двор в низших группах, чтобы удостовериться в том, что и их доход, несомненно, сильно преуменьшен. Ведь даже прожиточный стандарт батрацкой семьи определяется нами в сумме 300—400 черв. руб. в год. Таков минимальный предел средств существования в современных условиях деревенской жизни. Можно ли в таком случае поверить, что целые миллионы хозяйств могут длительно существовать на уровне в три—четыре раза ниже этого предела.

Разумеется, это совершенно неправдоподобно. Деревня наша не вымирает, а совсем напротив дает такой высокий естественный прирост населения, — и притом именно за счет снижения коэффициента смертности, — каких мы в дореволюционные времена еще никогда не наблюдали. Очевидно, недоучет доходности в низших группах крестьянства очень значителен. И мы это можем подтвердить двумя соображениями.

Прежде всего, в беднейших хозяйствах роль заработков в общем доходе значительно превышает среднюю норму для всех хозяйств.¹ А между тем, налоговые органы в облагаемый доход по действующему закону включают лишь самую незначительную долю заработков, так как большинство их обложению не подлежит. А, с другой стороны, утайка объектов обложения от налоговых органов в беднейших хозяйствах несравненно выше, чем в более зажиточных. И это тоже ведет к относительному преуменьшению доходов в беднейших группах.

Чтобы не показаться голословным в последнем утверждении, приведем следующую цифровую иллюстрацию. В распоряжении Госплана имеется такое сопоставление налоговых данных с бюджетными. произведенное в ЦСУ В. М. Обуховым (см. табл. 3, стр. 47).

Бюджетные данные вследствие взаимной балансовой их проверки одних другими можно, по общему правилу, считать в достаточной степени точными и достоверными. Вследствие этого сопоставление их по одним и тем же хозяйствам с налоговыми данными, несмотря на относительно небольшое число обследованных дворов, чрезвычайно показательны. Оказывается, что утайка посева при обложении практикуется во всех группах. Притом по абсолютной величине эта утайка в беднейших трех группах составляет всего 0,73 га на двор, в следующих трех повышается до 0,84 га и в последних трех достигает 1,02 га на хозяйство, т.-е. в общем возрастает с увеличением хозяйства. Но зато в относительных величинах эта утайка, наоборот, резко падает с возрастанием хозяйства. Происходит это, разумеется, не потому, что кулаки правдивее в своих пока-

¹ Так, например, по крестьянским бюджетам 1924/25 г. доходы от заработков в нижней бюджетной группе (с доходом до 20 р. на душу в год) достигали 60% всего „условно чистого“ их дохода, а в среднем по всем бюджетам они не превышали 25% всего дохода.

Таблица 3

Утайка посевов при обложении сельхозналогом за 1925 г.

№№	Группы хозяйств с посевом на двор в гектарах	Число обследованных хозяйств по СССР	Посевная площадь в гектарах				Отношение бюджет. данн. к налоговым
			По налоговым данным		По бюджетам		
			Всего	На 1 двор	Всего	На 1 двор	
1	2	3	4	5	6	7	8
1	от 0,00 до 1,14	652	501,5	0,76	843,4	1,29	1,68
2	„ 1,15 „ 2,22	1.274	2.236,3	1,76	3.217,4	2,52	1,44
3	„ 2,23 „ 3,32	1.277	3.626,0	2,84	4.646,4	3,64	1,28
4	„ 3,33 „ 4,41	1.059	4.146,0	3,91	4.897,7	4,62	1,18
5	„ 4,42 „ 6,60	1.322	7.205,0	5,45	8.450,5	6,39	1,17
6	„ 6,61 „ 8,78	632	4.831,0	7,65	5.384,9	8,52	1,11
7	„ 8,79 „ 10,97	350	3.455,6	9,88	3.836,9	10,96	1,11
8	„ 10,98 „ 17,52	329	4.500,0	13,68	4.901,0	14,89	1,09
9	„ 17,53 и более	117	2.888,6	24,69	2.949,8	25,21	1,02
1—9	Итого . . .	7.012	33.390,1	4,76	39.127,9	5,58	1,17
1—3	от 0,00 до 3,32	3.203	6.363,8	1,99	8.707,2	2,72	1,37
4—6	„ 3,33 „ 8,78	3.013	16.182,1	5,38	18.733,1	6,22	1,16
7—9	„ 8,79 и выше	796	10.844,2	13,66	11.687,6	14,68	1,08

заниях налоговым органам по сравнению с средняками и бедняками, а потому, что их строже контролируют эти органы и чаще выправляют неверные показания.

Это, конечно, не включает в себе ничего неожиданного. В одной из комиссий РКИ, еще в 1925 г. было удостоверено следующее обстоятельство. „Представитель НКФ, который принимал участие в нашей работе, — пишет тов. Яковлев, — сначала спорил, а потом согласился, что в данных НКФина точность учета хозяйств падает по мере перехода к группе, которая не вносит налога, потому что НКФин, конечно, прежде всего заинтересован в тех, кто вносит налог“.¹ И особенно в тех, добавим мы от себя, кто при довольно крупной прогрессии обложения вносит его в наибольшем количестве. Но едва ли даже в НКФине представляли себе до сих пор вполне отчетливо, в каком широком диапазоне — от 2% до 68% — колеблется точность налоговых данных для различных социальных групп деревни.

Приведенная справка, между прочим, показывает, насколько рискованно пользоваться таким признаком, как посев, для изучения социального расслоения деревни. Помимо всяких других соображений, уже один только факт столь значительного и притом колеблющегося процента утайки посевов в разных группах может привести вместо уяснения исследуемой проблемы к пущему ее затемнению.

¹ Я. А. Яковлев, „Ошибки хлебофуражного баланса“, ЦСУ. М. 1926 г., стр. 11.

В самом деле, при изучении расслоения нас, прежде всего, интересует удельный вес различных социальных групп. Допустим, что для „бедняцкой“ группы мы установили предел в 3,32 гектара посева на двор. Тогда по хозяйствам, учтенным в табл. 3, вес бедняцкой группы по числу хозяйств составлял бы, исходя из налоговых данных, около 46% общего их итога. Но, сделав поправку на утайку, мы увидим, что очень большая группа из наемных бедняков в 1.277 хозяйств имеет в действительности на круг по 3,64 гектара, т.е., очевидно, почти целиком должна быть перенесена из бедняцкой группы в середняцкую, что сразу понизило бы удельный вес бедняцких хозяйств с 46 до 28%, или около того. Спрашивается, можно ли, однако, пользоваться в указанных условиях группировкой, столь извращающей действительность уже в основном для нас в вопросе об удельном весе различных социальных групп?

Ответ на такой вопрос не вызывает сомнений.

Конечно, зная меру неточности наших данных, можно, было бы избежать такого рода ошибок, путем внесения соответствующих поправок в исходные данные или в определение намечаемых пределов для расчленения на группы. Например, понизив в нашем случае предельную норму посева для „бедняков“ с 3,32 до $3,32 : 1,28 = 2,59$ гектара, мы тем самым уравновесили бы вероятную для соответствующей группы хозяйств норму утайки посевов. Но при группировке по натуральным признакам мы не гарантированы, независимо от точности имеющихся данных, от других гораздо более для нас существенных промахов и ошибок.

Вот, например, комбинационная группировка налоговых данных за 1926/27 г. по посеву и скоту. В некоторых отношениях она очень показательна (табл. 4 см. стр. 49).

Мы не могли бы дать такую сводку по всему СССР вследствие уже отмеченной выше некоторой пестроты в программах разработки налоговых данных по отдельным республикам. Но и одна РСФСР, обнимающая свыше 70% всего сельскохозяйственного населения Союза, представляет собою достаточно мощный массив для изучения социальной структуры нашей деревни. О чем же говорит приведенная таблица?

Чрезвычайно дробная группировка — на целых 60 групп — прежде всего еще ярче, чем вышеприведенная группировка по скоту, свидетельствует о неполноте налогового учета доходности крестьянских хозяйств. Нам известно, что одни батрацкие харчи оцениваются у нас ныне не ниже 60 руб. в год на человека. А здесь мы встречаем целые сотни тысяч хозяйств, у которых весь годовой доход из расчета на душу раз в семь ниже этой нормы. Мы уже знаем, что облагаемый сельхозналогом доход крестьянства и в среднем для всех групп не превышает 45% полного их дохода. Надо думать,

Таблица 4

Число сельскохозяйственных хозяйств, размер двора и облагаемый доход по сельхозналогу в РСФСР за 1926/27 г.

Группы по посеву на едока	Подгруппы по числу голов крупного скота на двор					Итого	
	Без скота	С 1 гол.	С 2 гол.	С 3 гол.	С 4 гол.		С 5 гол. и бол.
1	2	3	4	5	6	7	8
А. Число хозяйств (в тыс.)							
1. Без посева	376	227	98	38	17	24	779
С посевом (га)							
2. 0,00—0,27	344	562	614	363	139	126	2.148
3. 0,27—0,55	513	863	1.284	709	286	228	3.883
4. 0,55—0,82	548	838	1.255	522	242	221	3.626
5. 0,82—1,09	364	541	895	377	199	212	2.587
6. 1,09—1,64	194	301	574	333	211	293	1.907
7. 1,64—2,19	39	57	124	107	83	159	570
8. 2,19—2,73	11	16	35	40	34	86	221
9. 2,73—3,28	4,8	6,2	13	17	16	48	104
10. 3,28 и выше	5,5	5,9	12	19	19	80	141
Итого	2.399	3.417	4.904	2.524	1.245	1.476	15.965
Б. Число душ на 1 двор							
1. Без посева	3,12	3,83	4,28	4,61	4,83	5,18	3,65
С посевом (га)							
2. 0,00—0,27	3,84	4,48	5,34	6,07	6,63	6,99	5,18
3. 0,27—0,55	3,62	4,38	5,32	6,01	6,72	7,38	5,24
4. 0,55—0,82	3,54	4,51	5,54	6,05	6,71	7,27	5,25
5. 0,82—1,09	3,22	4,27	5,36	5,93	6,53	7,25	5,16
6. 1,09—1,64	2,93	3,83	4,78	5,44	6,03	7,02	5,04
7. 1,64—2,19	2,34	3,21	4,00	4,80	5,45	6,82	4,95
8. 2,19—2,73	2,02	2,79	3,48	4,34	4,98	6,55	4,93
9. 2,73—3,28	1,73	2,50	3,20	4,01	4,66	6,45	4,92
10. 3,28 и выше	1,53	2,14	2,71	3,43	3,98	5,70	4,60
В среднем	3,40	4,29	5,24	5,81	6,34	6,97	5,10
В. Доход на 1 душу в руб.							
1. Без посева	8,66	16,31	23,19	28,25	31,27	44,65	16,54
С посевом (га)							
2. 0,00—0,27	16,05	24,45	31,28	34,03	34,36	37,51	29,22
3. 0,27—0,55	24,52	32,14	39,36	42,99	43,37	45,20	38,28
4. 0,55—0,82	31,30	37,46	43,46	47,16	48,18	50,74	42,66
5. 0,82—1,09	39,15	44,81	49,65	52,50	53,88	57,56	49,69
6. 1,09—1,64	50,42	55,35	59,79	62,87	64,62	69,83	62,07
7. 1,64—2,19	71,77	75,11	78,15	80,66	81,73	86,08	81,83
8. 2,19—2,73	90,51	93,62	96,66	98,86	99,78	103,51	100,77
9. 2,73—3,28	112,52	111,78	115,46	116,32	116,53	121,04	118,87
10. 3,28 и выше	158,48	151,91	152,58	155,79	156,41	176,56	170,30
В среднем	27,32	35,98	44,56	49,08	53,49	67,74	45,90

однако, что в беднейших группах этот недоучет еще значительнее.¹

Как бы то ни было, в облагаемом доходе учтены не только посевы и крупный скот, но и более мелкие объекты обложения и даже некоторая часть промысловых заработков. И потому, если не в абсолютной мере, то относительно этот доход, конечно, несравненно точнее отражает в себе норму состоятельности различных хозяйств, чем, скажем, только посевы или крупный скот, взятые в отдельности. Если же обратиться к этой обобщающей подоходной мерке, то станет совершенно очевидным, как мало пригодны группировки по скоту или посеву в качестве социальных группировок. Дело в том, что каждая из этих групп, взятая в отдельности, отнюдь не однородна в своем составе. Диапазон колебаний состоятельности в пределах одной и той же посевной группы по подгруппам достигает иной раз целых сотен процентов. И все же посевные группы, — поскольку здесь группировка проведена из расчета посева на душу, а не на двор, — отражают в себе большую уравнительность, чем группы по скоту. В последних зачастую объединены хозяйства с диапазоном колебаний состоятельности в несколько сот процентов. Говоря иначе, здесь заведомо объединяются в каждой группе, хотя и в разных пропорциях, и эксплуатируемые и их эксплуататоры.

Такие объединения, взамен необходимого нам расчленения указанных социально-разнородных элементов, разумеется, ни в какой мере удовлетворить нас не могут.

Вот почему мы можем только приветствовать решение Госналога разрабатывать впредь данные, собираемые им ежегодно по сельхозналогу, в подоходной группировке. Это, несомненно, будет значительным шагом вперед. Но данные за 1926/27 г. уже разработаны по натуральным признакам. С этим приходится считаться. Нам, кажется, однако, что и эти данные можно использовать после некоторой их перегруппировки для изучения расслоения деревни по предложенной нами схеме.

В самом деле, благодаря детальной комбинационной группировке по скоту и посеву мы можем с полным правом предполагать, что в пределах каждой отдельной подгруппы мы имеем дело с довольно однородным составом хозяйств. Средний доход по каждой из этих подгрупп типичен, стало быть, не только для всей подгруппы в целом, но и для подавляющего большинства составляющих ее отдельных хозяйств. И, стало быть, группировку отдельных хозяйств по их индивидуальному доходу мы без особо больших погрешностей можем заменить группировкой уже целых совокупностей этих хозяйств по среднему их доходу. При этом в виду слишком большого диапазона колебаний в размере хозяйств по числу душ мы

¹ Необходимо отметить, что зарплата батраков вовсе не подлежит обложению, а в наиболее низких группах эта необлагаемая и потому неучтенная здесь статья составляет, вероятно, львиную долю общего дохода.

предпочитаем за мерку их состоятельности принимать средний доход на душу, а не на хозяйство.¹

Из имеющихся у нас данных Всеработземлеса мы установили, что средний месячный заработок батрака в крестьянских хозяйствах составлял в 1926 г., включая натуру, 16 руб. 80 коп., батрачки — 12 руб. 78 коп., в среднем 14 руб. 80 коп. Средний доход батрацкой семьи из расчета на душу составит тогда, включая 20% приработков в своем хозяйстве, около 80 руб. в год. Индустриальный рабочий в 1926/27 г. зарабатывал на круг около 60 руб. в месяц. Дороговизна жизни рабочего в городах, по исчислениям ЦСУ, может быть принята в 1,35 от сельской нормы в условиях крестьянского быта. С этой поправкой на индекс дороговизны жизни заработок индустриального рабочего составит около 44,5 „сельских“ рублей, т.-е. реально раза в три выше заработка батрака и 2,5 раза выше полного его дохода, включая приработки в своем хозяйстве (от огорода, самозаготовок топлива и т. п.)

Таким образом, мы должны бы установить для бедняков предельной нормой душевого дохода 80 руб. и для середняков — 200 руб. в год. Конечно, с ростом зарплаты в городе и деревне эти нормы тоже должны соответственно изменяться. Но для 1926/27 г. их можно считать вполне приемлемыми. Нужно только еще учесть применительно к налоговым данным средний масштаб недоучета в них душевого дохода. Тогда наши предельные нормы по облагаемому доходу понизятся в 2,2 раза, т.-е. для бедняков придется принять за такую норму 36 руб. и для середняков 90 руб. на душу в год. Конечно, эти нормы весьма приблизительны и условны. Их можно бы уточнять и дифференцировать в зависимости от района и других условий. Однако, в порядке первого приближения мы считаем возможным использовать их и без дальнейших уточнений.

Применяя наши нормы к данным табл. 4, мы видим, что в группу бедняков у нас попадают по РСФСР из беспосевных и малопосевных (с посевом до $\frac{1}{4}$ дес., или 0,27 га, на душу) все подгруппы с числом голов крупного скота на двор не свыше четырех при посеве от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ дес., или 0,55 га, на душу — все хозяйства с 1 головой скота и при посеве от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ дес. или 0,82 га, на душу — только хозяйства вовсе лишенные скота. Выше этих норм начинаются середняки, а начиная с посевной группы от 2 дес., или 2,19 га на душу и выше — зажиточные с преобладанием кулацких элементов. Разумеется, по другим республикам, да и в пределах РСФСР по разным районам эти границы охватывают весьма различный состав посевно-скотских подгрупп. Но если принять за общую мерку один и тот же денежный аршин среднего душевого дохода, то сводка этих мелких посевно-скотских подгрупп в большие группы социального значения по любой республике или району не представит уже никаких затруднений.

¹ Еще лучше было бы принять за единицу измерения средний размер дохода на 1 работника.

3. Расслоение деревни

Проделав вышеуказанную перегруппировку данных Госналога по каждой республике, а в пределах РСФСР по каждому району в отдельности, мы получили такие сводные итоги по всему Союзу в целом:

Таблица 5

Расслоение деревни в 1926/27 г. по СССР¹

Показатели	Бедняки	Серед- няки	Зажиточные	Итого
1	2	3	4	5
1. Число хозяйств				
а) в тысячах	8.152	15.236	812	24.200
б) в ‰ к итогу	33,9	62,7	3,4	100
2. Население				
а) в млн. душ	35,5	81,6	3,7	120,8
б) в ‰ к итогу	29,4	67,5	3,1	100
в) в среднем на 1 хоз.	4,36	5,36	4,56	5,00
3. Посевная площадь				
а) в млн. га	11,13	65,87	9,90	86,90
б) в ‰ к итогу	12,8	75,8	11,4	100
в) в га на 1 двор	1,37	4,33	12,2	3,59
4. Крупный рогат. и рабочий скот				
а) в млн. голов	10 83	38,49	3,80	53,12
б) в ‰ к итогу	20,3	72,5	7,2	100
в) на 1 двор	1,33	2,53	4,68	2,20
5. Облагаемый доход				
а) в млн. руб.	881,6	4.239,8	450,7	5.572,2
б) в ‰ к итогу	15,8	76,1	8,1	100
в) в руб. на двор	108	279	553	230
г) в руб. на душу	24,8	52,0	121,2	46,7
6. Исчисленный налог				
а) в тыс. руб.	26.253	280.792	66.075	373.120
б) в ‰ к доходу	3,0	6,6	14,7	6,7
в) в руб. на 1 двор	3,22	18,45	81,40	15,36
7. Число хозяйств с промыслами				
а) в тысячах	1.235	3.037	65	4.337
б) в ‰ к общ. числу хозяйств	15,1	19,9	8,0	17,9
8. Доход от промыслов				
а) в млн. руб.	65,77	156,16	5,47	227,40
б) в ‰ от всего дохода	7,5	3,7	1,2	4,0

¹ Включая скотоводческие районы и хозяйства с доходом ниже облагаемого минимума.

Как и следовало ожидать на долю середняцкой основы советской деревни падает свыше двух третей всего крестьянского населения. Вся эта масса живет беднее индустриального рабочего, но все же выше батрацкого уровня жизни. Это самостоятельные производители, как и городские кустари и ремесленники. В своей основной массе они располагают только трудовыми доходами, т.е. не эксплуатируют чужого труда. Ниже этого уровня живет у нас до 30% населения деревни, а выше — только около 3%!

Это последнее обстоятельство заслуживает особого внимания. Несколько лет под ряд нас пугали возрастающим засильем кулака, обвиняли в явном попустительстве в отношении кулацкой верхушки, требовали, чтобы мы в порядке „первоначального социалистического накопления“ выкачивали миллиарды из этой верхушки и строили на этой основе социалистическую индустриализацию страны. И что же? Все это кулацкое „засилье“ выражается на поверку более чем скромными цифрами. Из общей массы посева на долю этой верхушки падает всего 11,4%, по скоту еще меньше — всего 7,2%, а по населению — 3,1%.

Облагаемый доход этой группы составляет все же около 450 млн. руб., или 8% общей его массы, а полный мы можем считать, примерно, в 2,2 раза выше, т.е. до одного миллиарда рублей в год. Цифра значительная. Но если принять из нее к учету только ту долю, которая превышает установленный нами предельный трудовой доход середняка (198 руб. на душу в год по полному доходу или 90 руб. по облагаемому), то вся масса нетрудовых доходов крестьянской верхушки составит всего около 223 млн. руб. в год, из которых мы уже изымаем только в порядке сельхозналога 66 млн. руб. Однако, по данным 1925/26 г. мы знаем, что сельхозналог составляет не свыше 45% общего налогового бремени, падающего на социальную верхушку деревни.¹ Стало быть, к 66 млн. руб. сельхозналога мы должны еще прибавить около 80 млн. руб. всяких иных налоговых изъятий. И тогда, за вычетом из 223 млн. руб. нетрудового дохода 146 млн. руб. налоговых изъятий, получим свободный остаток нетрудового дохода деревни всего в 77 млн. руб., что дает едва 20 руб. такого дохода на душу зажиточной группы в год.

Конечно, весьма возможно, что при известном усовершенствовании наших весьма далеких от точности приемов налогового учета доходов этот остаток окажется несколько большим. И это нам позволит путем повышения налогового давления изъять еще десятков другой миллионов из нетрудовых доходов этой группы. Но совершенно ясно, что даже при полном раскулачивании данной группы мы отнюдь не смогли бы добыть из этого источника необходимые нам миллиарды.

¹ В группе, нанимающей с/рочных рабочих, общий итог налогов на душу составлял за 1925/26 г. 16 р. 74 к., в том числе сельхозналог — 7 р. 51 к. (см. „Доклад Комиссии СНК по изучению тяжести обложения...“ М. 1927 г., стр. 45—47).

Доля учтенного здесь дохода от промыслов, выраженная в процентах от всего облагаемого дохода, как и следовало ожидать, падает с возрастанием состоятельности группы. Но недоучет по этой статье доходов деревни особенно велик. По расчетам „Контрольных цифр Госплана на 1927/28 г.“ (стр. 478), основанным на бюджетных материалах, доходы деревни от неземледельческих занятий достигали в 1926/27 г. 2.252 млн. руб., а по сельхозналогу из них учтено всего 227 млн. руб., т.-е. едва десятая часть. Поэтому данные Госналога в этой части малопоказательны. Столь же не показательны и проценты числа хозяйств, занятых „промыслами“, по каждой социальной группе. Вследствие изъятия от обложения батрацких заработков, наиболее частых в бедняцкой группе, общее число хозяйств, имеющих приработки по этой группе, конечно, значительно больше учтенного в данной таблице.

Очень показательно среднее число душ на двор в разных группах. В вышеприведенной группировке по скоту (табл. 2) оно все время возрастало параллельно с возрастанием числа голов скота. Такие группировки, несомненно, питают собою довольно распространенные народнические иллюзии о том, что вся наблюдаемая нами дифференциация деревни является лишь прямой функцией различного числа ртов и рабочих рук в разных хозяйствах, т.-е. определяется факторами естественно-физиологическими, а не социальными. „Хозяйственный мужичок“ крепок, мол, потому, что он держится хороших патриархальных традиций и воздерживается от разделов, а не потому, что он эксплуатирует чей-нибудь чужой труд. Тем более интересна наша группировка по состоятельности, которая явно противоречит этим слащавым иллюзиям. Оказывается, что оплотом семейной патриархальности, поскольку она сказывается в противодействии дроблению семьи, является середняцкая основа деревни, а не кулацкая ее верхушка.

Это вполне гармонирует с тем полунатуральным типом хозяйства которое, как показывают нам крестьянские бюджеты, сохранилось в наибольшей неприкосновенности как раз в середняцкой массе деревни. Но с ростом товарности и промысловости крестьянских хозяйств рушится и та база, на которой держались старые патриархальные традиции. Естественным главой семьи становится не тот, кто старше, а тот, кто больше „промышляет“ и является фактическим кормильцем семьи. Идеи коммерческого расчета все чаще разрушают узы кровного родства. От середняцкого материка деревни постепенно отслаиваются, с одной стороны, предпринимательские, с другой — пролетарские прослойки. При чем и те и другие в равной мере отходят и от своей прежней экономической базы натурального хозяйства и от авторитарной надстройки над ней — семейно-патриархального быта.

Семейный состав зажиточной семьи по нашей таблице значительно ниже середняцкой, а между тем, и по скоту, и по посеву

и по общему благосостоянию эта социальная группа в два — три раза богаче середняцкой. Очевидно, стало быть, что эту разницу никак уж нельзя отнести за счет одних лишь семейных добродетелей сравниваемых групп.

Превосходство предложенной нами группировки по состоятельности в сравнении с группировкой по скоту в указанном отношении достаточно осязательно. Но еще нагляднее оно сказывается в другом. Сравнивая степень расслоения деревни в обеих группировках, мы без труда заметим, что группировка по скоту очень существенно смазывает, затушевывает и умаляет изучаемое явление расслоения. В самом деле, хотя по скоту у нас дано шесть групп, а по состоятельности только три, но отношение верхней группы к самой нижней по душевому доходу в группировке по скоту достигает всего 2,16:1 в то время как в группировке по состоятельности оно составляет 4,90:1, т.-е. в 2,2 раза выше.

Приведенное сопоставление не может еще, однако, служить достаточно точной мерой расслоения для той или другой группировки. Надежной мерой расслоения будет только такой коэффициент, в котором учитывается не только расхождение в состоятельности различных групп, но и удельный вес каждой группы. Мы предложили бы в качестве такой меры среднее арифметическое отклонение душевого дохода в каждом хозяйстве (или каждой группе хозяйств) от средней нормы этого дохода по всей массе изучаемых хозяйств, выраженное в процентах к этой последней.¹

В применении к группировке по скоту, в табл. 2, где средняя норма душевого дохода по всем шести группам равна 47,2 рубля, среднее взвешенное отклонение от этой нормы по всем группам исчисляется в 7 р. 55 к., или 16%. А для нашей группировки по состоятельности, в табл. 5, средний коэффициент расслоения, исчисленный тем же методом, равен 27,7%, т.-е. несравненно выше. Но, конечно, и эта последняя цифра, несомненно, еще заметно увеличилась бы, если бы при исчислении коэффициента расслоения мы исходили из данных о каждом хозяйстве в отдельности, а не из очень суммарной групповой их сводки, приведенной в таблице.

Впрочем, если коэффициент расслоения деревни, исчисленный нами по данным табл. 5, и не может претендовать на абсолютную точность, то в качестве относительной мерки для сопоставления различных степеней расслоения деревни по различным республикам

¹ Если среднюю норму душевого дохода для всех изучаемых хозяйств обозначить буквой d , арифметическое значение разности между d и средним доходом каждой группы, независимо от знака этой разности, назовем r_1, r_2, r_3 и т. д., а удельный вес этих групп в общем итоге обследованного населения выразим буквами n_1, n_2, n_3 и т. д., то общий коэффициент расслоения R получится по формуле:

$$R = \frac{(n_1 r_1 + n_2 r_2 + n_3 r_3 + \dots) 100}{(n_1 + n_2 + n_3 \dots) d}$$

и районам, при одном и том же методе его исчисления для всех районов, он вполне пригоден.

Было бы еще интереснее использовать этот коэффициент для изучения динамики расслоения за ряд лет. Но за отсутствием нужного для этой цели цифрового материала обратимся к изучению изменений в дифференциации советской деревни в географическом разрезе:

Таблица 6
Показатели расслоения деревни по отдельным республикам за 1926/27 г.

Республики	Население			Облагаемый доход в рублях на душу				Коэффициент расслоения по душевому доходу	
	Всего в тысячах душ	В ‰ к итогу			Бедняков	Средняков	Зажиточных		В среднем
1	2	3	4	5				6	
А. Земледельческие районы									
УССР	24.062	16,3	79,5	4,2	24,70	55,74	116,09	53,26	17,4
РСФСР	81.388	28,6	68,4	3,0	25,92	50,91	124,10	45,78	25,2
БССР	4.234	46,4	52,5	1,1	29,97	50,82	128,21	42,03	26,6
ТуркССР	613	34,4	64,6	1,0	23,90	54,66	112,42	44,68	31,9
УзбССР	3.076	37,6	61,0	1,4	21,25	51,62	99,28	40,87	36,1
ЗСФСР	4.502	57,7	40,8	1,5	18,05	47,25	97,38	31,11	48,6
Итого	117.875	28,1	68,8	3,1	25,20	52,00	121,10	46,50	25,4
Б. Скотоводч. районы									
Итого по СССР	2.953	80,0	17,3	2,7	19,34	51,10	144,80	28,40	50,5
Итого по СССР	120.828	29,4	67,5	3,1	24,83	52,00	122,00	46,10	27,7

Если судить по средней состоятельности крестьянства, то на первом месте окажется Украина с душевым облагаемым доходом 53 р. 26 к., за ней следует РСФСР, ТуркССР, БССР, УзбССР и на последнем месте стоит ЗСФСР, где в 1926/27 г. свыше 52‰ крестьянского населения пришлось вовсе освободить от сельхозналога, так как их доход лежал ниже облагаемого минимума. Трудно сказать, в какой мере такой рекордный процент бедноты в Закавказьи объясняется специфическими условиями учета доходности в этой республике и в какой общими условиями местной экономики. Но во всяком случае можно отметить, что ниже Закавказья уровень доходности мы находим лишь в немногих чисто скотоводческих областях РСФСР, Узбекистана и Туркменистана, выделенных по способу взимания налога в особые районы.

Высокое благосостояние Украины сказывается и в том, что в ее пределах мы находим максимальный процент середняков и зажиточных при минимальном проценте бедноты. Минимум середняков (17,3‰) мы находим в районах полукочевого скотоводства,

минимум кулаков — в Туркменистане; максимум бедноты падает на Закавказье (57,7‰) и скотоводческие районы (80‰).

Общий коэффициент расслоения, измеряемый, как выше было указано, по среднему масштабу отклонений доходности различных групп от средней нормы доходности в данном районе или республике, дает наименьшую величину по УССР,¹ наибольшую — по Закавказью (48,6‰) и скотоводческим районам (50,5‰). Наименьший коэффициент расслоения дают, конечно, те районы, где всего выше удельный вес середняцкой группы. С возрастанием числа бедняков и зажиточных, наоборот, возрастают и коэффициенты расслоения. Но бедняки по всем республикам гораздо многочисленнее зажиточных, а потому возрастание расслоения означает (при прочих равных условиях), прежде всего, высокий процент бедняков и, стало быть, пониженный общий уровень благосостояния крестьянства в данной республике.

Переходя к данным о нормах обеспечения скотом и посевами разных социальных групп в тех же республиках получаем такую картину:

Таблица 7

Обеспеченность посевом и крупным скотом по отдельным республикам за 1926/27 г. в среднем на 1 хозяйство

Республики	Посевная площадь в гектарах				Крупный скот			
	Бедняков	Средняков	Зажиточн.	В среднем	Бедняков	Средняков	Зажиточн.	В среднем
1	2	3	4	5	6	7	8	9
А. Земледельч. районы								
УССР	1,39	4,09	9,36	3,91	0,54	1,67	2,84	1,54
РСФСР	1,52	4,64	14,45	3,87	1,19	2,70	4,87	2,24
БССР	1,83	3,78	6,32	2,94	2,26	3,41	3,02	2,88
УзбССР	0,54	2,57	8,38	1,71	0,84	2,41	4,22	1,72
ТуркССР	0,64	2,30	9,71	1,69	1,53	2,68	7,87	2,26
ЗСФСР	0,90	1,94	2,63	1,24	1,46	4,04	8,54	2,63
Итого	1,43	4,36	12,37	3,68	1,18	2,47	4,27	2,12
Б. Скотоводческие районы								
Итого по СССР	1,37	4,33	12,20	3,59	1,33	2,53	4,68	2,20

¹ Приведенный в таблице коэффициент 17,4‰ исчислен по итоговой группировке для всей УССР. При более дробном расчленении УССР на 9 районов этот коэффициент расслоения повышается по Украине до 21‰, оставаясь все же минимальным в пределах Союза. Процент бедняков при этом повышается до 21, а зажиточных до 5,4, а процент середняков падает до 73,6.

Как видим, для разных республик эти нормы чрезвычайно резко колеблются. И в то время как в Закавказье среднюю норму посева зажиточной группы составляют уже 2,63 га на двор, в Украине эта норма повышается до 9,36 га, т.-е. в 3,5 раза. Но зато в Украине скота на зажиточный двор приходится только 2,84 голов, в то время как в Закавказье — 8,54, т.-е. в три раза больше, чем в Украине. В одном месте, стало быть, хозяйственная мощь крестьянина определяется одним из этих признаков, в другом — другим. Это еще раз свидетельствует о том, сколь мало пригодны каждый из этих натуральных признаков, взятый в отдельности, для изучения социального расслоения деревни.

В скотоводческих районах посевная площадь, разумеется, и вовсе не играет сколько-нибудь существенной роли в определении состоятельности данной группы хозяйств. Но зато здесь обнаруживается весьма резкое расслоение по числу голов скота. В зажиточной группе в среднем на каждый двор приходится здесь свыше 31 головы крупного скота, не говоря уже о мелком. Более дробная группировка показывает, однако, что сюда входят и такие хозяйства, которые насчитывают свыше 280 голов скота (в переводе на крупный) и „облагаемый“ доход которых исчисляется в сумме до 4 тыс. руб. на двор. Это бросает некоторый свет на вопрос о том, почему в скотоводческих районах так велик исчисленный нами коэффициент расслоения.

В земледельческих районах Октябрьская революция произвела, как известно, „черный передел“ всей земли, а в скотоводческих районах такое генеральное поравнение по скоту, конечно, не могло иметь места. В них, стало быть, мы и теперь еще наблюдаем ту высокую степень расслоения и разорения, которая выросла из прежних дореволюционных условий частнокапиталистического хозяйства. В земледельческих же районах мы наблюдаем гораздо большую уравнивательность, созданную самой революцией.

Республиканские итоги, однако, слишком еще суммарны для изучения порайонной дифференциации деревни. Во всяком случае, такая большая республика, как РСФСР, нуждается в дальнейшем порайонном расчленении. Пользуясь материалами Госналога, мы можем предложить здесь, прежде всего, следующую таблицу (табл. 8, см. стр. 59).

В приведенной таблице районы расположены в порядке возрастающих показателей расслоения. При чем на первом месте оказался Северный район, а на последнем Крым. Вместе с тем, не трудно заметить, что вместе с севером наименьшее расслоение отмечается в западных и северо-западных районах, в то время как возрастающие показатели расслоения распространяются не только к югу России, но и к востоку и на юго-восток. Говоря иначе, расслоение деревни возрастает в направлении от потребляющих к производящим хлеб районам. Весьма вероятно, что это объясняется более высокой

Показатели расслоения деревни по районам РСФСР за 1926/27 г.

Районы	Население				Облагаемый доход в рублях на душу				Коэффициент расслоения по душевому доходу
	Всего в тыс. душ	в %/0/0 итогу			Бедняки	Средняки	Зажиточн.	В среднем	
		Бедняки	Средняки	Зажиточн.					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Земледельч. районы									
	1.601	9,1	90,4	0,4	27,30	49,78	100,20	47,94	7,8
1. Северный	11.166	17,8	87,7	0,5	30,45	51,20	116,60	49,00	9,1
2. Московско-Промышл.	741	11,0	82,8	0,2	27,96	41,30	109,60	39,10	9,8
3. Крайний север	3.975	15,7	83,3	1,0	30,83	50,78	117,00	48,25	12,5
4. Западный	4.261	21,6	77,8	0,6	30,80	47,28	113,60	43,88	13,4
5. Северо-Западный	4.048	22,4	77,3	0,3	31,62	47,65	130,70	44,32	13,6
6. Рязано-Тульский	12.583	26,8	72,9	0,3	29,55	45,42	115,20	41,42	15,3
7. Централно-Землед.	6.587	28,0	71,3	0,7	28,38	47,36	104,80	42,52	18,4
8. Волжско-Камский	300	52,4	46,6	1,0	28,60	46,10	129,50	37,82	25,4
9. Низовье Волги	5.568	24,5	68,2	7,3	22,68	54,75	110,60	50,95	27,2
10. Уральская область	7.644	42,1	95,4	2,5	28,71	51,24	117,90	42,22	32,8
11. Волжский	274	43,4	54,1	2,5	25,12	53,00	111,40	42,35	35,3
12. Бурято-Монгол. АССР	2.985	41,0	54,8	4,2	24,52	52,70	122,60	43,96	36,6
13. Башкиро-Оренбург.	7.207	42,2	54,2	3,6	23,70	56,40	125,50	45,20	39,9
14. Сибирь	1.252	42,8	53,5	3,7	22,61	54,18	121,10	43,10	40,2
15. Дальне-Восточ. край	6.879	33,4	53,8	12,8	20,15	60,95	127,75	55,85	42,7
16. Северный Кавказ	3.953	51,3	44,0	4,7	22,23	56,20	130,00	42,46	48,2
17. Казакско-Киргизск.	364	22,0	47,0	31,0	29,40	54,85	170,25	84,25	62,3
18. Крымская АССР									
Итого	81.388	28,6	68,4	3,0	25,92	50,9	124,10	45,78	25,2
Б. Скотоводческ. районы	2.840	80,4	16,9	2,7	19,20	51,11	142,20	27,93	50,2
Всего по РСФСР	84.228	30,4	66,6	3,0	25,30	50,80	124,75	45,30	26,8

товарностью этих последних. Во всяком случае, для таких районов, как Сев. Кавказ, это объяснение более чем правдоподобно. Но для ряда национальных автономных республик, тоже отмеченных показателями повышенного расслоения, это объяснение нуждается еще в дополнительной проверке.

Северный Кавказ довольно резко выделяется в ряду других районов своим высоким процентом зажиточных хозяйств (12,8%). Выше его в этом отношении стоит только Крым с 31% зажиточных. Здесь зажиточная группа даже превосходит по своему удельному весу группу бедняцкую. И это на ряду со всеми остальными районами, где высокая степень расслоения достигается, главным образом, за счет высокого процента бедноты, создает здесь совсем особый и притом весьма своеобразный тип расслоения.

Само собой разумеется, что в советских условиях, где организованный пролетариат, опираясь на деревенскую бедноту и вступая в прочный союз с середняком, стремится тем самым изолировать и обезвредить социально-опасную для него кулацкую верхушку, такие районы, где эта верхушка получает особенно пышное развитие, заслуживают и особого с нашей стороны к ним внимания.

Во всяком случае, эти районы заслуживают пристального за собой наблюдения и изучения. Одних налоговых данных для этого, разумеется, совершенно недостаточно. Массовые данные Госналога выполняют свое назначение, давая нам хотя бы только самое общее освещение проблемы расслоения в порайонном масштабе и вскрывая наиболее для нас опасные его очаги. Для более же углубленного, монографического изучения причин и результатов расслоения в том или ином районе могут быть использованы лишь материалы бюджетных исследований.

Налоговые данные позволяют нам сопоставить между собою в порайонном масштабе лишь нормы обеспеченности разных социальных групп скотом и посевами (см. табл. 9, стр. 61).

В приведенной табличке мы расположили районы в порядке убывающей обеспеченности их посевами из расчета на одно хозяйство. И очень любопытно, что на первом месте в этом списке оказались как раз Крым и Северный Кавказ, т.-е. те районы, где особенно сильны кулацкие группы крестьянства при высоких нормах общего расслоения. Зато на последних местах нашего списка, т.-е. среди наименее обеспеченных посевами районов, оказались все те районы, какие отличаются у нас наименьшей расслоенностью и наиболее высоким процентом середняков. Характерно при этом, что на севере в зажиточную группу попадают хозяйства с посевом всего в 2—3 га на двор, тогда как на юге для этого требуется 17—18 га на одно хозяйство. Конечно, многопосевные хозяйства являются в то же время и наиболее товарными. В их среде легче всего, стало быть, ожидать развития и товарно-капиталистических отношений, т.-е. выделения кулацких элементов на одном полюсе,

пролетарских и полупролетарских—на другом. Но такого рода теоретические соображения отнюдь еще не раскрывают перед нами всех тех конкретных путей, по каким у нас идет расслоение деревни, и тех скрытых пружин, которыми оно приводится в действие в разных республиках и районах.

Наша настоящая работа не претендует на такое углубленное исследование проблемы расслоения. Мы даем лишь известный методологический подход к ее разрешению. Предложенный нами метод группировки, конечно, подлежит еще дальнейшей разработке и уточнению. Но он, конечно, может дать нам весьма плодотворные результаты. Приведенные выше конкретные показатели расслоения для разных районов может быть и недостаточны. В виду дефектов основного материала по учету доходности отдельных групп крестьянства, мы придаем всем нашим цифровым показателям лишь

Таблица 9

Обеспеченность посевом и крупным скотом по отдельным районам РСФСР за 1926/27 г.

(В среднем на 1 хозяйство)

Районы	Посевная площадь в гектарах				Крупный рогатый и рабочий скот			
	Бедняков	Средняков	Зажиточн.	В среднем	Бедняков	Средняков	Зажиточн.	В среднем
1	2	3	4	5	6	7	8	9
А. Земледельч. районы								
1. Крымская АССР	0,80	4,07	17,86	7,38	0,42	2,39	4,93	2,75
2. Сев.-Кавказский	1,25	6,73	17,32	5,90	1,31	3,11	4,89	2,66
3. Волжский	2,46	6,60	19,83	5,08	1,24	2,27	5,48	2,03
4. Башкиро-Оренбургск.	1,90	6,11	14,25	4,57	1,41	3,11	5,80	2,59
5. Сибирский	1,73	6,22	14,32	4,53	2,43	4,66	5,86	4,20
6. Волжско-Камский	2,28	4,92	7,88	4,42	0,90	2,20	1,83	1,79
7. Дальне-Восточный	1,51	5,71	17,90	4,15	1,62	5,16	5,03	3,98
8. Центрально-Землед.	2,11	4,88	9,85	4,04	0,64	1,69	2,32	1,48
9. Уральский	0,71	4,27	10,80	3,76	1,12	3,14	4,75	3,06
10. Рязано-Тулский	1,70	4,39	6,15	3,64	0,55	1,78	1,15	1,38
11. Казакский	1,30	5,23	14,88	3,63	2,26	4,74	6,70	3,87
12. Бурято-Монгольский	1,56	4,43	8,59	3,21	2,55	5,62	7,73	4,78
13. Западный	0,92	3,07	6,71	2,73	1,18	2,47	2,88	2,25
14. Моск.-Пром.	0,74	2,66	5,83	2,39	0,49	2,10	2,37	1,77
15. Северо-Западный	1,29	2,07	6,54	2,00	2,10	2,42	3,64	2,58
16. Северный	0,65	2,10	3,50	1,92	0,57	2,90	2,72	2,59
17. Низовье Волги	0,62	2,92	18,75	1,74	1,10	5,65	9,43	4,36
18. Крайний север	0,40	0,93	2,16	0,80	0,75	2,93	3,23	2,20
Итого	1,52	4,64	14,45	3,87	1,19	2,70	4,87	2,24
Б. Скотоводч. районы								
Итого по РСФСР	1,43	4,61	14,15	3,74	1,39	2,78	5,46	2,35

иллюстративное значение. Данные налоговых списков подлежит еще проверке материалами бюджетных исследований. Лишь при достаточно хорошо продуманном комбинированном использовании налоговых списков и бюджетных данных, проверяя точность первых последними, сможем мы дать достаточно точную и достоверную географию расслоения советской деревни. А из сопоставлений накопленных за ряд лет данных этого рода мы построим со временем и динамику этого расслоения.

Это не легкая задача, но она стоит труда. Лишь при наличии ясной картины того, в какую сторону и какими темпами изменяется расслоение деревни под влиянием нашего планового воздействия на ее экономику, мы сможем не только рационально намечать самый план такого воздействия, но и с уверенностью судить о его результатах.

Кто кого?— вот вопрос, который нам надлежит разрешить на этом важнейшем для нас сермяжном фронте.